

Василий Иванович Немирович- Данченко

Бой в облаках

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#3)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Бой в облаках**

— Приведены ли в известность потери?
— Был уже вечер... Отряд не трогался из Ильгеринского леса. Надо было дать отдых солдатам, счесть убитых, распорядиться ранеными. Над вершинами платанов и самшита горела заря... На её огневом фоне листва старых деревьев казалась совсем чёрной. Поток ревел и шумел, покрывая и говор отряда, и треск валежника в кострах, и сигналы горниста, порою раздававшиеся в скалах. Обоз давно уже перебрался... Несколько искалеченных коней билось у самой воды, пока их не приказали пристрелить... Прохлада стояла над утёсами...

— Сколько убитых?

— Двести человек выбыло из строя: шестьдесят убитых, сто тридцать раненых... А десять без вести пропали...

— Вы точно в реляции — всё круглыми цифрами!.. — недовольно проговорил генерал.

— Я не виноват в потерях сегодняшнего дня! — понял отвечавший начальник штаба раздражение генерала.

— Десятеро, верно, унесены водою... Может

быть, ещё окажутся... Послать казаков вдоль потока, — пусть поищут.

— Виноват, ваше превосходительство, — я уже распорядился этим.

— Очень хорошо сделали...

Действительно, — избитых, измученных и истерзанных нашли четырёх солдат, которых волною прибило в заводи... Остальные шестеро были снесены в бездну, куда падал этот поток... Их пришлось помянуть в общей панихиде... Многих из раненых нельзя было и думать тащить с собою во всю экспедицию, их решили оставить с небольшим конвоем в тех башнях, которые ждали нас ещё на верху. Их предполагали подобрать на обратном пути. Легкораненых было мало. Лезгины били на выбор и метко. Даром пуль они терять не любили. Ночью внизу было даже холодно. Поток ещё громче ревел... Где-то, далеко-далеко, должно быть, в каком-нибудь ауле, лаяли собаки... Вверху ярко сияли звёзды, но свет их не доходил в потёмки Ильгеринского леса. Под утро прорезался последний рог месяца — с завтрашней начинались уже безлунные ночи... Солнце брызнуло огненными лучами на

вершины каштанов и чинар, — дробь барабанщика разбудила отряд... Сегодня ожидал его страдный день, и потому надо было накормить солдат сейчас же... Кое-как развели костры и сварили кашу.

Али-Ибраим-бек сидел у огня и грелся. По его нахмуренному лицу бежали тени. Толстый капитан, говоривший по-лезгински, спросил его о чём-то... Тот ему не ответил... «Тоскует!» — решил по своему навагинец и угадал. Сердцем люди всегда угадывают. Ошибается только ум, а не сердце... «Тоскует. Должно быть, семья дома».

— У тебя, бек, есть дети? — спросил он.

Тот посмотрел на него и, должно быть, прочёл в его глазах не одно праздное любопытство.

— Троих оставил в ауле...

— Маленькие, верно?

— Один недавно родился... Старуха-мать есть...

— Ну, что ж... Бог даст, свои их поддержат...

— Я не о том! Я не голода боюсь... У меня три тысячи голов в табунах ходят. Да и золота

я немало отбил у вас. Я о другом. Они все вырастут джигитами. У меня всё мальчики... Только мне их не придётся видеть.

— Отчего же? Если принесёшь покорность... Наш царь — милостивый...

— Я не о том... Я знаю это... Только не Ибраим-бек будет являться в Тифлис к вашему наместнику с повинной... Я — мюрид. У меня и любовь, и ненависть кончаются со смертью...

И он опять мрачно засмотрелся в огонь расплавленного костра.

Пушки уж потянулись вверх, обозы тоже. Солдаты главного отряда и арьергарда оставались здесь. Им нечего было торопиться. До первого взезда пока доберутся орудия, — успеют насидеться... Авангард бился с пушками... Лошади тратили последние усилия поднять их, но круча была слишком тяжела. Солдаты схватывали лафеты и, обливаясь потом, в смертной истоме едва могли протащить их несколько шагов, падали оземь, едва дышали... В три часа времени батареи не сделали и двухсот шагов на высоту, а дальше их ждали кручи ещё ужаснее, скалы ещё отвеснее. Зной становился палящим, и, когда остальная

часть отряда вышла из леса, солнце безжалостно лило огонь с побледневших от ужаса небес. Скалы накалялись... Неосторожно опираясь на них ладонями, солдаты обжигались... Обжигались и дотрагиваясь до меди орудий. Казалось, что это не лучи, а пламенные стрелы падают сверху... Полдень Дагестана был так невыносим, что уцелевшие завидовали тем, кто теперь лежал на веки веков в одинокой общей могиле Ильгеринского леса. Для тех — окончилось всё. Им — тишина, покой, отдых! То и дело солдаты пили воду из манерок, но скоро и её запасов не стало. Знали, что вверху есть ключи. Они падали, обогнув гору с другой стороны, в ту же бездну, куда стремился и Ильгеринский поток. Но до них было ещё версты полторы, а на этой страдной дороге каждая сажень доставалась ценою невероятных усилий. Уже по обе стороны беспутья (потому что дороги здесь не было, а она определялась просто направлением, взятым солдатами) — лежало много народа, поражённого солнечным ударом. Некоторые хрипло дышали, их глаза налились кровью, воспалённые лица были ужасны, другие

метались и бредили... Но теперь уже некогда было обращать внимание на них. Вверху — на казавшейся недоступною высоте — мерещилась точно в небесах повисшая башня... Наши знали, что она оберегает подступ к мосту, через бездну — от вершины одного утёса к темени другого, — где тоже должна быть такая же. В этих башнях засели отчаянные мюриды, обрёкшие себя смерти. Сколько было их? На вопрос об этом, Ибраим-бек только угрюмо улыбался и говорил:

— Довольно, чтобы многие из вас сегодня уже полетели на суд к Аллаху!

Много часов прошло, — наши всё ползли к этой башне, а она, казалось, всё дальше и дальше отступала. То пропадала, когда отряд огибал скалы, то являлась опять над самыми головами в опаловой глубине неба, то убегала вдаль. Чёрные бойницы её зловеще зияли... За её чёрным ходом должна быть смелая арка переброшенного через пропасть моста... Кто соорудил его — никто не знал... Горцы говорили, что это дело рук Аллаха, когда шайтан одним ударом кинжала раздвоил гору на две части и вырыл бездонную пропасть между ни-

ми... Наконец, на одном из поворотов авангард увидел этот мост и остановился на минуту поражённый. И было отчего... Две скалы, отвесами обращённые одна к другой... Основания их падают вниз, сливаются, пропадают в бездонном провале... На страшной высоте от одной скалы к другой перекинулась тонкая, едва заметная отсюда ниточка моста... И по этой ниточке надо пройти — да не просто, а боем!.. Перетащить по ней орудия, парк, транспорт, обозы, перенести раненых... Захолонуло сердце у отважных солдат... У входа на мост — мрачная башня; она вся на свету теперь, и едва-едва выделяется над нею значок защищающего её муртазегита. Другая такая же башня у другого конца моста, и там тоже значок... В ней засела отчаянная вольница дагестанских гор... Мост в небесах тонет. Жутко даже смотреть на него снизу... Там ни барьера, ни перил... Иди как лунатик... Сильней сердце забьётся, — и полетишь в бездну... Вон облачко напоззло, окутало башню позади, часть моста закрыло... Теперь он до половины точно от земли в небо повис... Страшно!.. Страшно даже старому навагинцу... Он почув-

ствовал, как у него загодя кружится голова. И только Али-Ибраим-бек сурово улыбается и шепчет:

— Легче вам по острию ножа в рай Аллаха попасть, чем этот мост перейти!

И, действительно, легче... Облако потянулось сюда... Теперь оно оставило башню, и она, вся влажная, заблестела на солнце...

Оно заслонило середину моста, и он точно разорвался там.

Два отростка оттуда и отсюда висят над ужасным провалом...

Сюда двинулось ещё, и мост оттуда растёт, а здесь пропадает конец этой арки и ближайшая башня...

— Да, страшное дело ждёт нас... Страшное!.. — солдаты пугливо, стороной как-то смотрят туда... — Нагородили, подлецы!.. — ругают они про себя лезгин.

— Тут мухе проползти или птице — летом... А у нас крыльев нет!..

Орлы реют ниже моста над бездной... Широко разбросив большие, тёмные крылья, они точно плывут над нею. Некоторые опускаются в пропасть и пропадают в ней... Наклоня-

ясь, солдаты уже не видят их в потёмках этой чёртовой дыры... Позади звенят орудия по каменным выступам, слышится лязг штыка, встречающего штык, стопы солдат, падающих от огненных стрел солнца; а оно ещё строже смотрит с бледных небес, ещё беспощаднее жжёт истомившуюся под его огнём землю... Около скал уже проходить трудно, — они пышут точно накалившиеся печи... Там, где тень, — душно, дышать нечем... Разреженный воздух, кажется, весь обратился в сплошную массу искр... Ночью бы идти здесь, но ночью пол-отряда останется в безднах... Где-то показался зёв пещеры... Глубокий!.. Генерал ввёл туда часть отряда, потом другую... Солдаты на минуту отходили в потёмках от этого режущего блеска... Сверкало всё: и отвесы скал, и изломы кремня, и воздух. Небо, несмотря на его опаловый цвет, тоже слепило глаза... В пещере слышалось шуршание заползавших в глубину змей. Вверху из потёмок точно виноградные лозы висели кистями сцепившиеся нетопыри, летучие мыши... Генерал приказал пока сложить здесь раненых и пленных. Оставил с ними несколько кон-

войных. Сюда же принесли и поражённых солнечным ударом. К вечеру они, если отойдут, должны будут соединиться с отрядом...

После одного из поворотов, башня неожиданно выросла вдали...

Теперь уже она была не на высоте...

Отряд сам поднялся в уровень с нею, — и она чернела, молчаливая, грозная, выжидающая. Вверху, в безветрии повис значок муртазегита... В бойницах ни души... Башня казалась оставленной.

Но только казалась!.. Тут стояла такая тишина, такая подавляющая тишина, точно весь мир умер, а жива одна всемогущая, всё победившая и никем не побеждённая смерть... Орёл спустился на башню и тотчас же быстро взвился оттуда... И его обмануло её молчание. Но говор голосов изнутри испугал горного хищника... А мост всё так же висит, тонкий и одинокий, над бездной... Неровный! Отсюда уже видна его головокружащая дуга... Вся видна... Никому не верится, чтобы по нём можно было пройти... Кому, впрочем?.. Из тех, что остановились здесь, — не многим, удастся, пожалуй... Ведь, мюриды, засевшие в

башне, твёрдо решились умереть, перебив как можно более врагов... Разумеется, можно было бы ударами пушек, ядрами, разнести это разбойничье гнездо... Но вместе с первобытной каменной кладкою башни в пропасть рухнул бы и самый мост, а тогда перебраться туда — в салтинские пределы уже не будет никакой возможности...

— Как мы одолеем это?.. — задумался было генерал, да вовремя вспомнил слова старого кавказца: «По обыкновенной, человеческой логике, невозможно, ну, а прикажут, — сделаем»...

И он широко перекрестился... Надо было бы вызвать охотников, но ему жаль было храбрейших из своих солдат. Их бы всех перестреляли ранее, чем они подошли к башне. Пока он смотрел в зрительную трубку, на верх башни вышел какой-то мюрид и стал тоже оглядывать наш отряд. Счастливая мысль пришла в голову командующему. В самом деле, дробить силы — значило бы отдавать людей поодиночке на жертву засевшим там отважным узденям. Не лучше ли всей массой ринуться туда, и там будь, что будет... Он при-

казал отвести в сторону парк и обозы... Раненые остались внизу... Они теперь не затрудняли отряда...

— Ну, братцы, мне деваться некуда... Я пойду с вами. Полковник, — обратился он к начальнику штаба, — если меня убьют, вы примете команду.

Высокий, рослый хохол в мундире генерального штаба отдал честь...

— Смотрите, отступления не будет ни под каким видом! Салты должны быть взяты...

— Слушаю-с! — спокойно отвечал тот: «Должны-де, так и будут наши! О чём тут много разговаривать»...

Солдаты выстроились... Тихо было в рядах их, так же тихо, как в той башне...

— Ну, ребята! — начал генерал. — Сегодня одно дело вы сделали, — а уж ночевать нам придётся по ту сторону, за этой ямой! — а сам про себя думает: «Хороша яма, — и дна ей не видать»... — Кончим, — с полгоря нам останется. До Салтов два дня только. Мы этот переход мигом одолеем... Тем, кто уцелеет, легко будет... А кто падёт в бою — славную смертью воина, — того Господь примет... Значит,

и рассуждать нечего... Ну... ребята... с Богом!..

Тихо двинулись солдаты... Всё ближе и ближе подходят они к предательской башне, а она замерла и молчит... Вот уже на ружейный выстрел... Ещё несколько шагов, — и разом вся она оделась дымом и молниями выстрелов. Изо всех бойниц десятки железных дул огонь и смерть выбросили в наш отряд.

— Беглым шагом марш! — крикнул генерал и сам впереди кинулся к ней.

Живо обогнали его солдаты. Дробь барабанов, бивших атаку, кровожадно раздавалась перед ними... В бойницах и на кровлях показались мюриды. Люди падали, на отсталых не было, — вся эта масса, повинувшись дисциплине, бежала на верную смерть как на праздник... «Урра! Урра!» — слышится впереди. Много посеяли товарищей солдаты, много ещё упадёт, но те, которые добились до цели, остановились и затоптались. Нельзя было дать им ни одного мгновения остаться так. Паника могла охватить их, — и они, кинувшись назад, потеряли бы гораздо более...

— Ломай ворота, ребята! — бодро крикнул им генерал. — Нащупаем их штыками. Ишь,

схоронились...

Но скорей можно было приказать, чем исполнить это. Ворота внутри были заделаны кирпичами. Первые солдаты, заработавшие прикладами над этой кладкой, пали, на смерть сражёнными мюридами. Те воспользовались каждым пробитым ими отверстием и положили смельчаков, но тут вся масса нахлынула. Толстый капитан опять почувствовал себя в своей сфере. Он восторженно размахивал руками.

— Душки... Голубчики мои! А ну-ка ещё... А ну-ка ещё... — уже в каком-то бессознательном порыве орал он.

Окуренные пороховым дымом «душки» и без него работали вовсю.

— Ангелочки! Теперь мы им, прохвостам, накладём и за Голофеевскую и за Сухарную... Немало мы порастеряли товарищей тогда!

А сам не обращает никакого внимания на то, что какая-то пуля скользнула по его плечу, и на рыжее сукно его сюртука сочится из лёгкой раны кровь. Он сам выхватил у убитого солдата ружьё и давай работать прикладом...

— Постой, постой, ребяташки!..

Старый артиллерист подобрался.

— Отойди в сторону... Подальше... Вот мы им покажем.

В руках у него громадный патрон, набитый порохом. Он всунул его в скважину. Внизу висел фитиль. Зажёг и побежал... Едва успели отойти наши, показался красный огонёк, — что-то взвизгнуло, ахнуло, и точно чудом в башне открылось безобразно зияющее отверстие. Мигом кинулись туда солдаты, но мюриды уже отбросили прочь ружья и с шашками наголо, с кинжалами в зубах, выбежали навстречу. Солдаты гнали узденей по лестницам башни... Много падало, но место павших тотчас же занимали другие. Смерть уже не пугала никого. Шаг за шагом отступали мюриды, — и очутились под знойным и слепящим солнцем на кровле. Полумрака больше не было, — он остался внизу. Первый солдат, показавшийся на свет за ними, полетел вниз обезглавленный, второй тоже. Третьему удалось как-то проскользнуть, и шашка мюрида прорезала пустое пространство, зато тот сам схватил его за пояс. Уздени кинулись на помощь своему, но было уже поздно — снизу из

потёмок явились несколько солдат, и на крохотной площадке завязался последний бой. Заметив, что солдаты на мгновение отхлынули, мюрид бросается к молодому новобранцу, как пантера овцу схватывает его и, сжимая мощными руками, с криком «Алла-Алла!» смелым прыжком рушится в зияющую позади башни пропасть. Оба ударились о камень моста, перевернулись в воздухе и, не разжимая обвившихся рук, скрылись в страшной глубине. Теперь здесь уже не было никого, кроме наших...

— Молодцы драться!.. — одобрил мюридов пришедший в себе толстый капитан.

Мост был открыт, но теперь наступила самая страшная минута. На другой башне за мостом торчал тоже значок муртазегита... Каждый, сунувшийся на узкий мост над бездной, сразу был бы сорван с него пулею метких абреков... Генерал, войдя в башню, долго смотрел туда...

— Дайте трубку! — приказал он.

Уже несколько минут внимательного наблюдения.

— Полковник, пожалуйста сюда. Взгляните

вы. Не обманываюсь ли я... Как вам кажется? Ведь эта башня стоит, несколько отступя от моста... Да?

Тот весь ушёл в зрение... И только вместо ответа спросил коротко (старые кавказцы не любили много разговаривать):

— Прикажете выдвинуть горные орудия?..

— Да. Ведь я не ошибаюсь, нет? С башней не повредим моста?

— Нет, если прицел взять верно и стрелять издали. Иначе мост от движения воздуха рухнет.

— Ну-да, ну-да... Вам нечего говорить. Вы знаете, сколько от этого зависит. Вся экспедиция на волоске.

Начальник штаба взглянул туда и усмехнулся: «Действительно, на волоске», — так тонко и лёгок был этот мост.

Он спокойно пошёл назад. Из той башни, из-за бездны, несколько пуль ему вдогонку шлёпнулась о камень скалы... Скоро орудия были выдвинуты на требуемую дистанцию... Их зарядили ядрами. Спокойная и ровная канонада началась. Солдаты, сообразив, в чём дело, весело наблюдали: чем всё это кончит-

ся. Башни горцы складывают из шифера и обломков скал, без всякого цемента. Не прошло и десяти минут, не успели наши сделать и двадцати выстрелов, как верхняя половина башни рухнула, взрыв целое облако пыли, щебня и осколков...

— Молодцы, ребята!.. Ну-ка ещё...

Поняв, в чём дело, десятки мюридов, единственно уцелевшие, выбежали оттуда, и вслед за ними она рухнула уже вся — безобразною грудой неровно наломанного камня и плитняка. Мюриды засели за нею; ядра и тут не давали возможности укрыться, как следовало бы... Скоро горцам пришлось разбежаться за окрестные скалы, но они были ниже той вершины, на которой стояли наши... Мост был свободен, но никто ещё не решался пройти по этому волоску над бездной. Когда его выстроили? Никто не знал. Может быть, это был жалкий остаток от грандиозного некогда сооружения... Века изгрызли его и оставили ничтожную кость от целого остова... Страшно было подумать о необходимости одолеть его. Одни горские лошади, смело помахивая головой, прошли туда, но и то не совсем благопо-

лучно: у одной, посреди моста, лопнула подпруга, — и несчастное животное вместе со всадником, нелепо кружась, полетело в бездну... Сторожко, похрапывая и поводя раздувающимися ноздрями, двинулась следующая...

— Ну, ребята, марш! Полдела осталось!

Впереди двинулся генерал... Он нарочно остановился посреди моста, где этот мост слегка расширялся, и пропустил мимо весь авангард. Пули уцелевших мюридов посвистывали с унылым стоном около, но на это уж никто не обращал внимания. Бездна теперь как жадно раскрытая пасть чудовища тянула к себе...

— Смелей-смелей, товарищи! — кричал генерал. — Да не смотри вниз. В небо гляди!..

Люди так и шли, — глядя перед собою в синюю даль. Один солдат взглянул было в бездну и вдруг почувствовал, что тонкий мост под ним шатается... Расставил руки, точно за воздух хотел схватиться, и грузно, тяжело, с помертвелым лицом, рухнул. «Со святыми упокой!» — перекрестился шедший за ним и, уж не опуская головы, добрался до другого

конца...

— Что же вы? — спросил казачий офицер толстого капитана.

— Послушайте... войсковой старшина! Считаете вы меня за труса?

— Ну, вот... Слава Богу, показали вы себя... Сейчас ведь только.

— Я сам знаю. И никогда трусом не был; в нашем роду о таких и не слыхали, а я чувствую, что сейчас, сию минуту, не могу пройти через этот проклятый каменный рукав. Не могу и не могу. Умру на середине... или застрелюсь...

— Послушайте. С ума вы что ли...

— Не с ума... И не трус я, а не могу... И молод был, — не мог... Ах! Зачем меня не убили?!

— Какие глупости. Вы зажмурьтесь, а вас за рукав солдат...

— Это перед генералом-то... с поводырём?... Что я за калика перехожая?! - попробовал было пошутить он и вдруг заплакал. — Нет, мне одно остаётся... одно! Я застрелюсь...

— Капитан Холщевников! — слышалось издали.

— Генерал кличет. Скорее оправьтесь.

— А вы правы, капитан: по обыкновенной человеческой логике нельзя, а приказали, — и сделалось можно...

И вдруг Холщевникову стало совестно... Неужели это он так смалодушествовал?.. Что-то угаром поднялось ему в голову. Краска бросилась в лицо...

— Забудьте, пожалуйста! — тихо обратился он к казаку.

Капитан смело пошёл теперь на мост. Ему было стыдно за одну минуту трусости. Он вдруг остановился на самом краю этого узенького мостика и заговорил с генералом...

— Ну, идите, идите, капитан, — там поговорим... Видите, — задерживаете...

Орудия сняли с лафетов и перевозили их на хребтах коней. Лафеты несли на руках...

До поздней ночи продолжался этот переход через бездну.

Как-то налетело облачко, окутало всё... В его мгле трудно было двигаться вперёд. На камне после него осталась влага. Солдаты скользили, — несколько не осилило и полетело в бездну. Ночью зажгли факелы, и в чёр-

ном царстве безлунной ночи под блеском этих факелов, мост казался какою-то страшно костлявою, багровою рукою, которую одна скала протянула к другой и положила ей ладонью на самое темя... Обоза нельзя было доставить, — перевьючили его на лошадей. Телеги, припасы и раненых решили вместе с двумя взводами солдат оставить в пещере внизу и в уцелевшей башне наверху. Только к утру кончилась переправа через бездну...

Первые лучи озарили усталый отряд по ту сторону её.

Нечего было и думать сегодня идти дальше. Солдаты нуждались в отдыхе...

— Ну!.. Здесь днёвка... Через два дня, ребята, мы в Салтах и там отдохнём, как следует.

— Теперь Салты наши! — торжествующим голосом проговорил генерал, обращаясь к окружающим.

— И Брызгалов спасён!..

— Если уж не сдался.

— Брызгалов?! — изумился казачий офицер.

— Степана Фёдоровича я давно знаю! — проговорил Холщевников. — Вместе в Ахуль-

го бедствовали... Он не сдастся.

— А если ему есть нечего?

— Взорвёт крепость — это верно. Он не из тех, что кладут оружие. Да он, поди, и слов таких не знает...

1902